
РЕЦЕНЗИИ

О. В. ВОЛОСЮК

**РЕЦЕНЗИЯ НА:
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СУДЬБЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ /
ПОД РЕД. Л. С. БЕЛОУСОВА, А. С. МАНЬКИНА. —
М.: Издательство
Московского университета, 2014. — 816 с.**

Завершающийся 2014 год прошел под знаком 100-летнего юбилея начала первой мировой войны. Перед участниками конференций, авторами лекций, издателями авторских и коллективных трудов стояла сложная задача: не только изучить ход войны, ее причины и результаты, но и определить место «Великой войны» в развитии дальнейшей истории XX века. Назовем лишь некоторые из этих мероприятий: «Первая мировая война — пролог XX века», «Первая мировая война и судьбы народов Российской империи (1914–1918 гг.)», «Первая мировая война и судьбы российских соотечественников», «Великая война 1914–1918 гг.: Россия, Европа и исламский мир» и др. Уже из этих названий видно, что цель, которую ставили перед собой их участники — оценить воздействие войны на развитие Европы и мира, осмыслить, почему она стала тем рубежом, с которого начинается новый период всемирной истории. Квинтэссенцией этих научных изысканий стала фундаментальная коллективная монография, изданная в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова: «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации».

Издание было подготовлено группой авторов исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Белоусов Л. С., Манькин А. С., Романова Е. В., Терехов В. И., Цимбаев Н. И., Фомин А. М., Дажина В. Д., Агансон О. И.), а также ведущими учеными других ведущих вузов России: МГИМО (У) МИД РФ (Кизима М. П., Магадеев И. Э.), НИУ ВШЭ (Руткевич А. М.), Тамбовский ГУ имени Г. Р. Державина (Айрапетов А. Г.), РГГУ (Цимбаев К. Н.).

Структурно монография разделена на четыре части. Первая — *У истоков «Великой войны»* — разворачивает панораму массивных цивилизационных сдвигов первой четверти XX века, окунает читателя в атмосферу предвоенного общества, которая завершится выстрелом Гаврило Принципа на улице Франца-Иосифа в Сараево 28 июня 1914 г., знакомит с внешне- и внутриполитическими проектами, которые только вызревали в головах ведущих

политических и государственных деятелей, а также с идеями «властителей умов» начала нового столетия. Во второй части — *«Великая война» и формирование нового облика европейской цивилизации* — авторы предлагают переместиться на поля сражений, рассмотреть военные планы, боевые удачи и неудачи. Рассказ о событиях на полях брани дополнен важным разделом о внутривойсковых планах и деяниях ведущих западных держав и России, которые обеспечивали боевые действия на фронтах, о партийно-политическом строительстве, как принципиально важной составляющей цивилизационных сдвигов, имевших место в странах Европы и США начала века. Раздел завершается очерком об изменениях в духовной жизни европейцев в годы войны. Третий раздел — *«Великая война» и поиски «нового мирового порядка»* — посвящен внешнеполитическому сопровождению военных действий. В нем показана эрозия внешнеполитических довоенных принципов западных стран, очерчены их будущие территориальные и национальные аппетиты. В последнем разделе издания — *От потрясений к стабилизации: последствия «Великой войны» для европейской цивилизации* — прослежена эволюция послевоенного западного общества, отображен процесс смены парадигмы, произошедшей в результате войны. Самостоятельное значение приобретают приложения к изданию, где собран огромный и разнообразный документальный материал, который с помощью фактов и цифр дополняет концепции, предложенные авторами издания.

Нельзя не отметить интересные трактовки материала, увлекательность и стройность изложения, присущие этому комплексному исследованию «Великой войны». Читателю предлагается либо новый материал, либо новые подходы к рассмотрению изученных проблем. Вместе с тем эта увлекательность ни на йоту не позволила авторам уйти от строгой академичности в построении концепции и в использовании исторических фактов. В издании удачно сочетаются хронологический, проблемный и региональный подходы, что позволило раскрыть последовательно и логично наиболее важные проблемы истории первой мировой войны и европейской цивилизации начала XX века. Совершенно очевидно, в задачу издания подобного рода не входит подробное изучение историографических дискуссий, но ознакомить читателя с их существованием и пригласить его для дальнейшего их осмысления, стало одной из задач авторского коллектива, и в этом его несомненная заслуга.

Рассмотрим положения и выводы, к которым приходят авторы издания. «Материальная война есть лишь выявления войны духовной», — писал Николай Бердяев, размышляя о том, что мировая война началась в умах, и гораздо позже выплеснулась на поля сражений (с. 112). Предчувствие войны, ощущение надвигающейся катастрофы показано в издании образно и выразительно: оно проявилось и в дипломатии, и в подготовке и совершении военно-промышленного комплекса, и в идейных исканиях европейских мыслителей, и в настроении, которым были наполнены произведения художественной культуры. В предвоенной литературной жизни, указывается в работе, не наблюдалось никакого «затишья перед бурей» (с. 121). Это совершенно справедливое замечание можно распространить на всю духовную культуру начала XX века, где шла интенсивная ментальная работа, кипели страсти, сталкивались в противоборстве идеи и эстетические

системы. Труды философов, историков, писателей, художников оказались не только индикатором глубинных процессов, происходивших в обществе, но и стали предвестником грядущих событий, с которыми столкнулась Европа в 1914 году.

Но если в трудах «властителей умов и душ» это предчувствие грозных перемен ощущалось довольно отчетливо, то государственная машина оказалась гораздо более неповоротливой. Да, великие державы активно готовились к войне: их подталкивали к ней их внешнеполитические и экономические цели, они активно строили военную промышленность, заключали договоры и союзы, но ни одно из европейских правительств — и это в тексте подчеркивается неоднократно — не представляло себе масштабов той катастрофы, в которую они втягивали свои народы. Это состояние общества наиболее точно отражено в приводимом авторами монографии образе из пьесы Морриса Метерлинка «Слепые»: слепые, оставшиеся в лесу без поводыря — как образ всего человечества, стоящего на пороге беды, неспособного понять, беспомощного перед грядущим (с. 108).

«Слепыми» оказались все — народы, правители, государства. Решительно, даже бравурно, взялись они за решение судеб мира, рассчитывая, что предстоящая война будет скоротечной и победоносной. Объявление войны вызвало во всех воюющих странах всплеск ура-патриотических настроений. Выступать с антивоенных позиций, как подчеркивается в исследовании, было непрактично и непатриотично (с. 192–193). Члены военно-политического руководства всех воюющих стран продумали молниеносные военные планы, заготовили военные резервы. Уже в самом начале войны они начали строить проекты послевоенного передела мира, раздела добычи после победы (с. 154).

В этой связи уместно вспомнить слова Ж. Клемансо, который, размышляя об обеспечении будущего Франции за счет плодов победы, заявлял: «Гарантии будут такими, каких сумеют добиться наши солдаты» (с. 341). Как бы следуя мыслью за французским премьер-министром, авторы монографии солидный раздел посвящают военному аспекту: экипировке армии, соотношению сил, преимуществам в боевой технике, а также развитию экономики великих держав. Хотя во введении к изданию подчеркнуто, что вопросам трансформации экономики уделено меньше внимания (с. 9), тем не менее, далее справедливо указывается, что после провалов планов «молниеносной войны» исход столкновения зависел от того, экономика какого государства выдержит испытание временем. Как показано в исследовании, уже 1915 год практически везде был отмечен заметным ухудшением жизненных стандартов. В России в начале года «патронный» и «снарядный голод» превратился в кризис боевого снабжения (с. 223). Лондон, финансируя своих союзников, все активнее сам был вынужден прибегать к внешним займам. В 1915 г. угроза стабильности фунта стерлингов вызывала серьезную озабоченность британского казначейства (с. 343), а военная активность Англии все больше стала зависеть от финансовой помощи «старшего брата» (с. 169). К 1916 г. стала буквально задыхаться от недостатка цветных металлов, каучука, нефти, продовольствия экономика Германии. Тяжелейшие бои на фронтах обескровили армию, ее дальнейшее пополнение за счет резервистов создавало серьезные проблемы

для экономики, без нормального функционирования которой рассчитывать на успехи на передовой не приходилось. В такой ситуации необходимо было любой ценой обеспечить бесперебойное снабжение фронта всем необходимым, а чтобы реализовать это, приходилось «закручивать гайки» во внутренней политике — от этого зависел исход войны (с. 167).

Таким образом, война показала, что добиться победы в ней без форсирования мер по государственному регулированию социально-экономических отношений, невозможно (с. 19). Именно в годы войны европейские правительства впервые прибегли к этатизации экономики. Это была, как подчеркивается в издании, первая серьезная война качественно новой фазы развития европейской цивилизации, которая уверенно вступила в стадию индустриального общества (с. 142). А главным содержанием политико-экономической перестройки ведущих стран Запада стал сдвиг от «пассивного государства», выполнявшего в социально-экономической сфере роль «ночного сторожа», к государству «позитивному», активно регулировавшему всю совокупность социально-экономических отношений и ради поддержания в обществе социальной стабильности выполнявшему функцию беспристрастного арбитра в трудовых конфликтах (с. 202–203).

Но политика огосударствления в условиях войны была явлением экстраординарным, и, соответственно, практически все участники политического процесса вынуждены были пойти на переосмысление ряда своих ключевых идеологем. А потому сразу после войны стал дискутироваться вопрос о пригодности этатистской идеологии для дальнейшего развития государства, для европейской цивилизации в целом — и в результате он стал таким своеобразным катализатором жизнеспособности партийно-политических структур. Вопросу партийного строительства накануне войны, во время и после нее посвящено немало страниц данного издания. В издании подчеркивается, что именно отношением партий к этатизму, а шире — к изменению экономико-политической концепции государства — был обусловлен сдвиг власти в партийно-политических структурах ведущих западных стран. Среди партий либерально-консервативного толка вопрос перехода на этатистскую платформу вызвал серьезные противоречия. Если во время войны они согласились с необходимостью регулирования государством социально-экономических отношений, то после ее окончания подавляющая часть политической элиты западных стран стала требовать возвращения к исключительному действию рыночных механизмов в экономике (с. 596). Наиболее явно это проявилось в эволюции либеральной партии Великобритании: партия перестала быть востребованной в политическом процессе и уже после окончания войны уступила свое место лейбористам. В Германии инициаторами программы государственного регулирования промышленности выступили не лидеры политических партий, а военное руководство, поддержанное ближайшим окружением кайзера. Такая линия поведения, как показано в книге, дорого обошлась всем немецким политическим партиям, которые потерпели фиаско, не пережив Ноябрьской революции (с. 212).

Современные подходы к изучению первой мировой войны позволили по-новому интерпретировать еще на один важный аспект партийно-политического строительства в годы и после войны. В книге показано, что в начале

войны крайне важное место в государственной политике занимал вопрос о методах поддержания национального единства, достижимый двумя путями: либо подавлением всех проявлений инакомыслия, вытеснением диссидентов за рамки политического процесса, либо включением умеренных оппонентов в рамки действующей политической системы, превращением их в системную оппозицию. Если, делается вывод, верховная власть стремилась к консолидации нации вокруг руководства государства, то она должна была инкорпорировать все основные политические силы, точнее — их представителей, в структуру органов власти (с. 194–195).

Для поддержания этой структуры в работоспособном состоянии необходимо было укрепить и расширить ее социальную опору, для чего интегрировать в рамки действующего политического механизма ту часть социал-демократии, которая взяла курс на реформирование и сотрудничество с буржуазными партиями. Государство со своей стороны вынуждено было смягчить ряд своих идеологических концепций в пользу главного тезиса социал-демократов — необходимости стремиться к большей социальной справедливости. Таким образом, делают авторы еще один вывод, открылась возможность для превращения социал-демократии из силы, дестабилизирующей политическую ситуацию в обществе, в фактор, цементирующий существующий правопорядок. Так, германская социал-демократия от первоначальной позиции («мир без завоеваний») в 1916 г. перешла к поддержке планов аннексий своего правительства, обосновывая это тем, что в борьбе с «кровавым царизмом» хороши все средства (с. 253).

В результате, по мнению авторов, главным итогом внутриполитических процессов в ведущих мировых державах стал сдвиг партийно-политической структуры влево и прочная интеграция в нее умеренных социал-демократов. Эта интеграция придала партийно-политическим системам западных стран большую устойчивость, сделала их более адекватными запросам эпохи «массовой политики», а также существенно изменило дальнейший вектор эволюции европейской цивилизации (с. 596, 689).

Важным концептуальным решением является трактовка понятия *патриотизм* и прослеживание его эволюции в зависимости от остроты политического момента. В издании показано, что патриотические настроения, охватившие большую часть творческой интеллигенции в начале войны, постепенно угасли: на место эйфории пришел трезвый взгляд на военную катастрофу (с. 295). Уже с 1916 г. оживление оппозиционных сил стало важным симптомом появления более критических взглядов на военные события. Если раньше они практически полностью поддерживали действия своих правительств, то теперь часть оппозиции в стенах парламентов и вне их, включая и солдатские массы, начинает вести все более активную антивоенную пропаганду (с. 154). Лозунги левого крыла социал-демократов, резко осуждавших войну, стали восприниматься не как предательские, пораженческие призывы, а как оправданная и справедливая критика бездарных властей, которые завели Европу в тупик (с. 194).

Четвертая, крайне важная часть издания, посвящена исследованию результатов и уроков войны, размышлениям о судьбах Европы и мира. Окончание войны не привело даже к временному затишью в общественно-политической жизни: Европа оказалась эпицентром революций, гражданских войн, наци-

онально-освободительных, националистических, фашистских движений (с. 645). Процессы, начатые в годы войны, активно развивались и в послевоенный период. В этой связи удачным представляется решение «вписать» историю России в общий ход развития первой мировой войны и европейской цивилизации. В издании охарактеризовано положение в России перед войной, пересмотрены вопросы ее участия в военных действиях, представлена ситуация в 1917 г., которая привела к острейшему политическому кризису, завершившемуся Февральской революцией, показано что после этой революции выход России из войны, причем на условиях, продиктованных Германией, стал неизбежен (с. 177). Еще в апреле 1917 г. министр иностранных дел Австрийской империи О. Чернин писал, что «Россия надолго (а может быть, и навсегда) утерять свое значение», указывая при этом на необходимость воспользоваться такими обстоятельствами (с. 346). В монографии подчеркивается, что крушение Российской империи привело к расширению сферы военных действий. Ее территории становились не только ареной гражданской войны, но и полем борьбы между блоками и отдельными державами за влияние. Поэтому начало интервенции союзников в начале весны 1918 г. на территории России было обусловлено не только желанием уничтожить большевистское государство, но не в меньшей степени желанием предотвратить усиление Германии и остановить продвижение германских войск на восток (с. 355–356).

Авторы выносят на суд читателей ряд новых сюжетов, а также в русле новейших тенденций историографии трактуют те из них, которых ранее уже касались советские исследователи. В монографии подчеркивается, что «Великая война» совпала с крупнейшим изломом европейской цивилизации, одним из проявлений которого стала формирование нового типа массового сознания в воюющих странах. Десятки миллионов людей в годы войны испытали невероятную эмоциональную (негативную) нагрузку, разрушавшую сложившиеся прежде стереотипы поведения и нравственные ценности. Одной из ключевых черт послевоенной эпохи стал крах довоенных ценностных ориентиров и формирование духовного вакуума, который стремительно заполнялся «ценностями» иного рода, унаследованными от прошлого авторитарными и новыми, тоталитарными представлениями об общественном устройстве. И этот важнейший сдвиг в массовом сознании, явившийся прямым результатом ментальных изменений, произошедших под воздействием послевоенного кризиса, стал одним из важнейших последствий первой мировой войны (с. 598, 605).

В результате, по мнению авторов, общим вектором перемен стала радикализация сознания масс, усиление ментальной готовности к поиску врага и применению силы в мирной послевоенной жизни. В качестве инструмента использовался проверенный временем национализм. В книге показано, что уже с 1915 г. в изданиях немецких социал-демократов появляется термин национал-социализм, который подразумевает иную организацию рейха, в котором исчезает классовая борьба, а пролетариат становится союзником и сотрудником государства. Такое общество, в концепции национал-социалистов, может возникнуть только в рамках национального государства, а потому социализм явится «спасителем национализма». Грядущий социализм не будет утопическим «царством труда» довоенных социалистов,

он будет национальным и военным социализмом (с. 254, 256). В условиях послевоенного кризиса национализм новой «закваски» предлагал решение национальных и государственных задач (как правило, отождествляя их) на путях борьбы не только с внешним, но и с внутренним противником. Этот национализм обретал черты некой интегральной доктрины, ставившей, как и прежде, во главу угла интересы нации, но дававшей свои ответы на новые экономические, социальные, моральные и идейные вызовы времени, ... ломавшей устоявшиеся в массовом сознании представления о механизмах управления обществом. Война, делают важный вывод авторы, повлекшая немислимое прежде усиление роли государства в жизни людей, не только способствовала внедрению командных методов в решение экономических, социальных и национальных проблем, но сделала их гораздо более легитимными в сознании масс (с. 607).

Этот тренд в массовом сознании создавал благоприятную почву для развития тоталитарной тенденции — ключевого политического феномена 1920–1930-х гг., поскольку способствовал распространению леворадикальных и правозкстремистских течений в европейских странах (с. 599). Различные радикальные протестные движения появились почти во всех воевавших странах, став одним из проявлений нарастания глубокого кризиса демократической формулы власти, они получили особенно широкое распространение там, где имел место реальный кризис власти на фоне глубокой неудовлетворенности масс итогами войны и производного от нее роста реваншистских настроений (с. 598–599, 608, 610).

Таким образом, появление тоталитарных тенденций и режимов логически выводится авторами из исторического наследия первой мировой войны. В центре внимания общественно-политической мысли послевоенной Германии оказался вопрос об ответственности за развязывание войны, а идеологический фундамент республиканской исторической мифологии послужил питательной почвой для реваншистских, ревизионистских и националистических настроений в самых широких кругах общества (с. 636–637). В этой связи авторы утверждают, что именно «Великая война» определила основную характерную черту всего межвоенного периода в западном мире — противостояние сил демократии и тоталитаризма (с. 613).

Если общественные деятели ставили вопросы: кто виноват и что делать, то военные, которые тоже анализировали уроки «Великой войны», отвечали на второй вопрос однозначно — готовиться к новой войне и, далее рассуждали, какими способами это сделать лучше. От процесса осмысления ими уроков войны — милитаризации государства, взаимоотношений военного и политического руководства, степени «разрыва» между армией и обществом — зависело и будущее европейской цивилизации (с. 526).

Авторы показывают, что руководство вооруженных сил европейских государств по-разному подошло к оценке уроков войны. Доминирующей среди французских и советских военных стала точка зрения о том, что «Великая война» — эталон будущего конфликта, образец «тотальной» и долгой войны, к которой их страны должны готовиться заранее. В Великобритании и в Германии видели в мировой войне лишь отрицательный опыт, руководство вооруженных сил рассчитывало избежать долгой и кровопролитной войны

с помощью современных технических средств, восстановления прав «военного искусства», благодаря новейшим техническим средствам, улучшенному взаимодействию родов войск и сокращению численности армий (с. 509, 525).

Несомненным украшением издания стал последний раздел, посвященный духовной культуре Европы периода «Великой войны», причем ее эволюция «вписана» в основные тенденции военной и политической истории. Как справедливо подчеркивают авторы, послевоенный период был чрезвычайно насыщенным и в плане обретения новых смыслов и качеств искусств. Постепенно затягивались военные раны, жизнь восстанавливалась и предьявляла литературе, изобразительному искусству, архитектуре и дизайну свои требования обновления и комфорта. Довоенные идеи преобразования сознания и общества средствами искусства и воображения давали новые всходы, приобретали новые очертания и формы, многие из которых провоцировали будущие перемены (с. 681). Вместе с тем, война поставила под вопрос все европейские ценности, стала причиной жесточайшего духовного кризиса европейской цивилизации. Еще во время войны вышла работа О. Шпенглера «Закат Европы», в которой немецкий философ усмотрел начавшееся движение вниз европейских стран, предрекая конец западной цивилизации. Ему вторил французский поэт П. Валери, писавший: «Теперь мы знаем, что цивилизации тоже смертны» (с. 643).

Но европейская цивилизация не погибла. Пережив сильнейший социально-политический и духовный кризис, делается крайне важный вывод в издании: «Из войны вышла уже другая Европа». Европа пережила сложнейший период переоценки прежних духовных ценностей, смены мировоззренческих, социальных и политических ориентиров, общих представлений и жизненных устоев. Этот процесс охватил все стороны бытия, затронул не только интеллектуальную элиту европейских стран, но всех европейцев без исключения: с войной в него оказались вовлечены огромные массы людей, представлявших самые разные слои общества. Война не оставила камня на камне от прежней Европы — ни в масштабе ее политической карты и судеб народов, ни в масштабе личного пространства простых обывателей (с. 645). На смену старому миру пришли новые времена, иные порядки, другие правила игры, в чем-то более совершенные, чем довоенные, в чем-то более жесткие и даже жестокие. Все это, подчеркивают авторы издания, сделало мир 1918 г. непохожим на мир 1914 г. «Великая война» открыла новую страницу в судьбах Европы и мира, стала рубежом, с которого начался отсчет нового периода всемирной истории, формирования мировой цивилизации, по законам которой человечество живет и сегодня.

Современные подходы к изучению истории первой мировой войны, использованные в данном издании, позволили по-новому взглянуть на многие стороны прошлого Европы. Важным достижением авторов стало умение «вписать» основные сюжеты первой мировой войны в европейский и мировой контекст. На наш взгляд, представленный фундаментальный труд займет достойное место в современной российской историографии, а также на полках российских и зарубежных читателей.

Поступила в редакцию 20.12.2014